

Глава 4: Темперамент принца

—

Сяо Шань появился у ворот резиденции Се точно в благоприятное время.

Издали резиденция Се выглядела праздничной, с красными лентами, украшающими карнизы. Но подойдя ближе, можно было понять, что эта праздничность была лишь поверхностной, ведь на лицах привратников, увидевших Сяо Шаня, все еще висело выражение недоверия.

Похоже, они и представить себе не могли, что сегодня увидят Сяо Шаня.

Родственников Се Чжуня не было рядом, и из-за особой природы свадьбы сегодня все церемонии проводили чиновники Министерства обрядов.

Чиновники Министерства обрядов очень хотели поскорее отчитаться, поэтому их попытки преградить путь жениху, чтобы он забрал невесту, были особенно формальными. Кроме того, кто не знал, что князь Ли читает книги только для вида? Они не осмеливались по-настоящему задавать вопросы Сяо Шаню, боясь, что он нарушит правила и обругает их прямо на месте.

Эти опасения были не напрасны. Два года назад один чиновник на праздновании дня рождения императора напился и со слезами на глазах стал изливать свои мысли императору. Неизвестно, как он перешел к обсуждению нескольких принцев. Вероятно, Сяо Шань произвел на него наибольшее впечатление, поэтому он начал с того, что третий принц Сяо Шань был невеждой, действовал без правил, был слишком непослушным, и если его не воспитывать должным образом, он станет позором для императорской семьи.

Император еще не успел ничего сказать, как Сяо Шань сам выскочил и обругал этого чиновника, сказав, что у него злые намерения, и что он намеренно так говорит, ища повода для ссоры.

В то время кто-то посоветовал Сяо Шаню не злиться на пьяного чиновника, но что ответил Сяо Шань?

Сяо Шань, тяжело дыша от гнева, холодно усмехнулся на публике и сказал: «Люди часто говорят, что собака, кусающая человека, — это животное, и не стоит обращать на это внимания, но я другой. Если собака осмелится укусить меня, я обязательно укушу ее до смерти».

Эти слова были сказаны так, что не найти было, как возразить. Даже император был ошеломлен его высказыванием, его губы двигались, его рука, державшая бокал, дрожала, и, наконец, он не смог произнести ни слова.

Позже Сяо Шань был на три месяца заключен под домашний арест за неподобающее поведение, а тот пьяный чиновник за непристойное поведение перед императором до сих пор осваивает земли на северо-западе.

Этот человек, будучи чиновником, стремился не только к благополучию народа, но и к собственным удовольствиям.

Кто же добровольно захочет быть сослан в дикие земли северо-запада?

Чиновники Министерства обрядов почувствовали, что их мысли ушли слишком далеко, и поспешно впустили Сяо Шаня, который успешно прошел испытание.

Сяо Шань, однако, был удивлен: «Вот так и все?» Он слышал, что для женитьбы на девушке или гере нужно пройти три препятствия и победить шесть генералов. Этим утром он даже тайно попросил кого-то написать стихи для стука в дверь и спрятал их в рукаве, чтобы использовать.

Чиновники Министерства обрядов не знали об этом, поспешно кивнули в сторону и сказали: «Этого достаточно, Ваше Высочество может теперь пойти и встретить Ван Цзюня».

Сяо Шань, скрестив руки за спиной, воскликнул: «Ваш принц, конечно же, гений, посланный небесами. Обычно я не показываю этого, но в критический момент это проявляется».

Чиновники Министерства обрядов, услышав эти слова, мгновенно застыли, их улыбки были очень натянутыми.

Вероятно, они впервые видели такого гения, посланного небесами, и не могли подобрать слов похвалы, лишь сказали: «Ваше Высочество, Ван Цзюнь ждет внутри, Ваше Высочество, не опоздайте на благоприятный час».

Сяо Шань окинул их взглядом, в хорошем настроении и с полным самодовольством двинулся в указанном ими направлении.

Чиновники Министерства обрядов: «...»

Чему так радоваться? Неужели он и правда думает, что он посланный небесами гений?

—

Сяо Шань, увидев Се Чжюя, одетого в ярко-красный свадебный наряд, слегка приподнял свои узкие брови.

Се Чжуй не был похож на других геров из столичных семей, с их белой кожей и мягкими, покорными чертами лица.

У Се Чжуйя было красивое лицо, но из-за постоянного пребывания на ветру и солнце на границе его кожа имела здоровый пшеничный оттенок, черты лица были глубокими и резкими, словно вырезанными ножом, без малейшей мягкости, а брови, словно мечи, уходили к вискам.

Ярко-красный свадебный наряд, который должен был быть предельно праздничным, он носил с оттенком ледяной, убийственной суровости.

Вероятно, он не совсем привык к текущей обстановке, его тело было немного скованным.

Взгляд Сяо Шаня задержался на Се Чжуйе всего на мгновение, так быстро, что никто не заметил.

Церемониймейстер произносил благоприятные и радостные слова, намекая, что Сяо Шань может забирать Се Чжуйя.

Поскольку Се Чжуй был гером, ему не нужно было, чтобы его несли на спине, и ему не нужно было закрывать лицо вуалью.

Сяо Шань подошел и взял другой конец красной ленты, которую держал Се Чжуй, и сказал: «Пойдем».

Се Чжуй все это время держал брови опущенными, скрывая равнодушное и бесстрастное выражение в глазах за длинными ресницами. Он очень спокойно последовал за Сяо Шанем.

Праздничные музыканты играли радостные мелодии, следуя за Сяо Шанем от поместья князя Ли до поместья Се, а затем обратно в поместье князя Ли.

Для свадьбы принца улицы уже были расчищены.

Так как никто не мешал и не любопытствовал, Сяо Шань быстро встретил невесту и так же быстро вернулся в поместье.

После того как они быстро и ловко совершили обряд поклонения, Сяо Шань проводил Се Чжуйя во внутренний зал. Во внутреннем зале, в отличие от других свадеб, не было старших родственников женского пола или главной жены, сопровождающих новобрачных, что еще больше подчеркивало странность этой свадьбы. К счастью, повсюду были развешаны свадебные символы, что все же придавало некую праздничность.

Сяо Шань, глядя на Се Чжуйя, тихо сидящего там, спросил: «Хочешь пойти со мной выпить за

гостей?»

На самом деле, геры были относительно свободнее, чем женщины, например, в день свадьбы они могли вместе с женихом выйти, чтобы выпить за гостей. Однако обычно в знатных семьях предполагалось, что человек будет связан с задним двором, и никто так не делал.

Се Чжуй не ожидал, что у Сяо Шаня будут такие мысли. Он не был уверен, о чем думает этот человек, поэтому сказал: «Нет необходимости».

Он постоянно сражался на поле боя, командуя группой непокорных молодых людей, и ему нужно было внушать им страх, поэтому его манера говорить была довольно резкой. Рука Се Чжуя сжалась под широким рукавом, он не мог смягчиться.

Если бы кто-то другой увидел эту ситуацию, он бы наверняка сказал, что Се Чжуй — очень неприятный гер.

У Сяо Шаня не было таких мыслей. Услышав это, он небрежно кивнул: «Тогда я пойду один. Чуньтао и Дунмэй ждут снаружи, если тебе что-то понадобится, просто позови их».

Се Чжуй ответил.

Он поднял голову только после того, как Сяо Шань ушел.

Для других тот факт, что вокруг никого не было, мог показаться признаком одиночества и преднамеренным способом запугать его, но в глазах Се Чжуя это было огромным облегчением.

Ему не нравилось, когда его сопровождали, и не нравилось, когда на него смотрели как на обезьяну.

Отсутствие посторонних было ему на руку, он мог спокойно обдумать настоящее и будущее.

Сяо Шань развлекал гостей снаружи.

Независимо от того, как все относились к этому браку, он был дарован императором, и внешне все должно было выглядеть прилично.

Сяо Цзинь, будучи наследным принцем, пришел очень рано, оказав Сяо Шаню должное уважение. Сяо Цзинь изначально хотел, чтобы его супруга Лю пошла и поговорила с Се Чжуем, но так как у супруги Лю только что обнаружили беременность, он не взял ее с собой.

Он хотел подождать, пока свадьба Сяо Шаня закончится, прежде чем сообщать об этом во

дворец, чтобы не затмевать Сяо Шаня перед императором.

Однако, опасаясь, что Сяо Шань может подумать лишнее, он тайком оттащил его в угол и прошептал несколько слов.

Сяо Шань, услышав это, рассмеялся. Сяо Цзинь женился два года назад и до сих пор не имел детей. Сяо Жун, который был на три года старше их, уже имел двух дочерей и одного сына. За последний год императрица так волновалась, что у нее чуть ли не пена изо рта шла. Этот ребенок пришел очень вовремя.

Об этом не стоило много говорить. Увидев, что Сяо Жун, четвертый принц Сяо И и пятый принц Сяо Сянь идут к ним, они вдвоем по взаимному согласию сменили тему.

Не говоря о Сяо Жуне, старшем принце, сам по себе Сяо И, пятнадцати лет от роду, был увлечен каллиграфией и живописью. Его мастерство в живописи было исключительным, и он был искусен в создании стихов, занимая высокое положение среди ученых.

Что касается Сяо Сяня, то ему еще не было и десяти лет, и он находился в возрасте непоседливого ребенка.

Сяо Сянь больше всего ненавидел Сяо Шаня.

Будучи младшим сыном императора, его мать-наложница, наложница Сянь, также имела определенное влияние, и обычно он был очень любим императором. Кроме того, он был молод, и остальные более или менее уступали ему.

Но это не касалось Сяо Шаня. Сяо Шань не только не уступал ему, но даже бил его.

На этот раз, если бы не ради Сяо И, он бы и не пришел.

Сяо Жун, как старший брат, независимо от того, уважал ли он Сяо Шаня в душе, должен был соблюдать внешние приличия и говорить вежливые слова.

Он сначала повел своих младших братьев, чтобы поприветствовать Сяо Цзиня, произнес несколько поздравительных слов Сяо Шаню, а затем с натянутым выражением лица сказал, что хотел бы привести свою жену, чтобы она поговорила с Се Чжунем, но, к сожалению, его жена заболела.

Конечно, это были лишь любезности, сейчас никто не хотел связываться с гермом с такой репутацией, как у Се Чжуня.

Затем Сяо Жун предложил Сяо И и Сяо Сяню сесть вместе, оставив Сяо Цзиня стоять одного.

Такое поведение можно расценивать как знак уважения. Что касается наследного принца, то для него приемлемо сидеть одному за столом. Но это также можно расценивать как изоляцию.

Все зависело от того, как каждый это воспримет.

Сяо Цзинь совершенно не обращал внимания на такие уловки Сяо Жуна. Сегодня был счастливый день для Сяо Шаня, и не стоило мелочиться.

Сяо Жун и другие уговаривали Сяо Шаня выпить много вина, и в конце концов именно Сяо Цзинь помог ему.

Но даже в этом случае, когда ему помогли вернуться в комнату, его шаги были нетвердыми, и было очевидно, что он очень пьян.

Сяо И либо рисовал, либо писал стихи, и редко бывал таким бесшабашным. Успокоившись, он наблюдал, как слуги помогают Сяо Шаню уйти, а он бормочет что-то о желании выпить, не удержался и сказал: «Старший брат, все в порядке?»

Сяо Жун равнодушно сказал: «Что тут может быть не так? Возможно, мы даже помогли ему».

Сяо Сянь не понял и спросил: «Старший брат, что ты имеешь в виду?»

Сяо Жун искоса взглянул на него: «Детям не стоит много спрашивать».

Сяо И уже понял. Сяо Жун имел в виду, что Сяо Шань не хотел проводить брачную ночь и мог использовать опьянение как предлог.

Поняв это, его бледное лицо мгновенно покраснело. Он сухо кашлянул и сказал: «Старший брат, уже поздно, мы... мы вернемся».

Сяо Жун, видя его таким, посчитал, что тот сильно притворяется, и хотел сказать что-нибудь грубое, но подошел Сяо Цзинь и сказал: «Уже поздно, возвращайтесь».

Сяо Жун еще больше не любил такое притворное поведение Сяо Цзиня, поэтому просто хмыкнул и вернулся в свое поместье князя Жуй.

Сяо И и Сяо Сянь, так как они были слишком молоды и еще не покинули дворец, вернулись во дворец вместе с Сяо Цзинем.

Что касается шуток в брачной комнате, то этого не было.

Кто посмеет шутить в брачной комнате такого хаотичного человека, как Сяо Шань?

А те, кто вернулся со свадебного пира, имели в голове разные мысли.

Когда Сяо Жун женился, император и императрица даровали ему подарки.

Не говоря уже о свадьбе Сяо Цзиня, император и императрица лично присутствовали, оказав ему полную честь.

Что касается Сяо Шаня, то не только император и императрица не даровали ему подарков, но даже наложница Лань не выразила никакой признательности.

Жизнь Се Чжужуя, вероятно, будет нелегкой.

Если так будет продолжаться, то между Се Чжужуем и князем Ли накопится глубокая обида, и этот брак, вероятно, обернется враждой.

—

В это время в брачных покоях.

Как только Сяо Шань вошел в комнату, его глаза, до этого затуманенные, прояснились.

Никаких признаков опьянения.

Приказав приготовить еду, он посмотрел на застывшего Се Чжужуя и сказал: «Ты сначала поешь, я весь в запахе вина, пойду помоюсь».

Се Чжужуй согласился. Сяо Шань слегка улыбнулся и направился в ванную комнату, расположенную рядом с внутренним залом.

Сяо Шань умылся и вернулся во внутренний зал в своей нижней одежде.

Он увидел, что Се Чжужуй сидит за столом и ждет его, чтобы поужинать вместе.

В глазах Сяо Шаня появилась легкая улыбка. Он подошел, взял две чаши с вином со стола и сказал: «Свадебное вино».

Се Чжужуй поднял глаза в удивлении, затем медленно взял чашу с вином и выпил ее вместе с Сяо Шанем.

После вина Сяо Шань сказал: «Блюда остыли, ешь скорее».

Се Чжуй взглянул на него. Сяо Шань снова сказал: «Я не голоден». Хотя он не был пьян, он выпил много вина, и желудок был полон, поэтому он не хотел есть.

Се Чжуй ел быстро, но не грубо. Поев, он отложил палочки и поднял глаза, посмотрев на Сяо Шаня. Их взгляды встретились, и время словно остановилось, слышалось лишь легкое, нежное дыхание друг друга.

Сяо Шань заговорил первым, медленно произнеся: «Уже поздно, пойдем отдыхать».

Сердце Се Чжуя сжалось, и он сказал: «Я пойду умоюсь».

Се Чжуй не любил, когда его обслуживали, и всегда умывался сам.

В это время Сяо Шань полулежал на кровати и все время смотрел на него, его взгляд не скрывался. Се Чжуй даже чувствовал, что он осматривал его с ног до головы.

Умывшись, Се Чжуй в бронзовом зеркале увидел обнажившийся шрам между бровями, скрытый пудрой. Там должно было быть ярко-красное родимое пятно, но теперь оно было тусклым, а сверху покрыто шрамом.

Се Чжуй отвел взгляд от бронзового зеркала и повернулся, чтобы подойти к кровати. Он всегда был немногословным, и думал, что Сяо Шань его ненавидит, и этой ночью им придется спать в разных комнатах.

Но он не ожидал, что у Сяо Шаня, похоже, не было таких планов.

Эта ситуация смутила его.

Се Чжуй подошел к кровати. Сяо Шань, глядя снизу вверх на тусклое родимое пятно на его лбу, сказал: «Почему я не видел этого раньше?»

Се Чжуй тихо сказал: «Свадебный распорядитель сказал, что в день свадьбы это не к добру, поэтому и прикрыл...»

Он не успел договорить, как Сяо Шань вдруг схватил его за руку и с силой потянул на кровать.

Взгляд Се Чжуя стал ледяным и острым, он инстинктивно хотел поднять руку и ударить Сяо Шаня по шее, но, вспомнив, что это не враг, резко остановился. В мгновение ока Сяо Шань уже оказался над ним.

В широко раскрытых глазах Се Чжуня отразилось до крайности красивое лицо Сяо Шаня. Он видел, как тот приближается, и одновременно почувствовал легкое прикосновение холодной руки к своему лбу.

В ужасе и панике он услышал смеющийся голос Сяо Шаня: «Ты сам это сделал? Не боишься боли?»

Се Чжунь подавил панику в сердце и спокойно сказал: «Ваше Высочество, что вы делаете?»

Сяо Шань, приподняв бровь, схватил прядь его волос возле уха и низким, хриплым голосом с улыбкой сказал: «В первую брачную ночь, естественно, нужно заниматься тем, чем полагается».

Сяо Шань был необыкновенно красив, до показной красоты. В этот момент свет от светильника на столике у кровати мягко падал на его ясные глаза, словно содержащие нежный и яркий свет.

Свет скрывал в себе надменность, добавляя нежности и обольщения.

Се Чжунь отвел взгляд и тихо, отрывисто сказал: «Ваше Высочество, не шутите».

Рука Сяо Шаня, державшая его волосы, слегка замерла: «У тебя есть кто-то, кого ты любишь?»

Се Чжунь: «Нет».

«Ненавидишь меня?»

«Нет».

Улыбка заиграла в его глазах, Сяо Шань дюйм за дюймом приближался к Се Чжуню, пока их дыхание не переплелось.

«В таком случае...»

—